

дание. Он будто попадал в сорок первый год. 9 декабря страна впервые услышала «Жди меня» по радио в исполнении автора. В 1943 году в Алма-Ате по сценарию К. Симонова и А. Столпера был снят фильм «Жди меня». В главной роли – жена поэта, Валентина Серова.

Валентина Серова в возрасте 21 года уже была восходящей звездой сцены и экрана. Недолгое время она была замужем за Анатолием Серовым, истребителем-асом, героем гражданской войны в Испании и сталинским любимцем, вскоре погибшим в авиационной катастрофе. Никого она не любила так сильно, как Серова, и всю жизнь носила его фамилию. В реальной истории любви Симонова и Серовой – как бы два сюжета (и они прослеживаются по стихам). Один – событийный: Симонов настаивает, ухаживает, добивается, а она лишь поддается или не поддается, отвечает или не отвечает. Другой сюжет – внутренний, собственно история любви. Тело Серова отдавала с легкостью, душа же принадлежала только ей. А Симонову хотелось завладеть ее душой.

Вся лирика 1941–1942 годов была посвящена В. Серовой. Поэт любил и мучился этой любовью: «Кем была ты? / Моей или чужой? / Отсюда сердцем мне не дотянуться... / Прости, что я зову тебя женой / По праву тех, кто может не вернуться» [1, с. 166].

Серова была несколько легкомысленной женщиной, поэт понимал это, но все прощал ей: «...На небе любят женщину от скуки / И отпускают с миром, не скорбя... / Ты упадешь ко мне в земные руки. / Я не звезда. / Я удержу тебя» [1, с. 158].

Серова воспринималась публикой не только как артистка, но и как Муза, адресат необыкновенной любовной лирики. Ей следовало очеловечивать Женщину, верную и любящую. Но она была еще и просто женщиной, ветреной и увлекающейся: «Мне не надо в рай тоскующей, / Чтоб покорно за мною шла, / Я бы взял с собой в рай такую же, / Чтоб на грешной земле жила, – / Злую, ветреную, колючую, / Хоть ненадолго, да мою! / Ту, что нас на земле помучила / И не даст нам скучать в раю» [1, с. 159].

В июне 1941 года Симонов мотается по фронтам, ежесекундно рискуя жизнью, время тяжелое, и в это время рождаются слова любви и нежности: «...Будь хоть бедой в моей судьбе, / Но кто б нас не судил, / Я сам пожизненно к тебе / Себя приговорил...» [1, с. 151].

Симонов был одержим Валентиной: « Пусть прокляну впоследствии / Твои черты лица, / Любовь к тебе – как бедствие, / И нет ему конца. / Нет друга, нет товарища, / Чтоб среди бела дня / Из этого пожара / Мог вытащить меня. / Отчаявшись в спасении / И бредя наяву, / Как при землетрясении / Я при тебе живу» [1, с. 177].

Стихотворения 1941–1945 годов, в особенности те, что были адресованы Валентине, впоследствии включенные в сборник «С тобой и без тебя», явились основой поэтической славы Симонова.

«Хозяйка дома» – величайшее из стихотворений Симонова. Представим поэта и его друзей (предположительно – таких же военных корреспондентов, как он сам), которые собираются в квартире Валентины, когда им выпадает такая возможность. Затем они расстаются, попадают на разные фронты; кто-то из них погибает. С каждым разом пришедших становится всё меньше. Цель стихотворения – убедить Валентину в том, что она права, когда в присутствии остальных друзей не выделяет поэта из их числа. Для них она стала идеалом, иконой, давала им поддержку в битве – они нуждались в Валентине. До самого конца вечеринки герой не ждёт и не получает никакого особого внимания от неё. Уйдя вместе с остальными, поэт тайно возвращается, и хозяйка принимает его уже как возлюбленного, но до этого – он просто один из равных.

Неверно было бы полагать, что события, описанные в стихотворении, происходили именно таким образом. Оно было написано в первую зиму войны, когда немецкая армия вплотную подошла к Москве. И хотя многие из коллег Симонова действительно гибли в то время, отсутствие на вечеринке не означало смерть или ранение: тем, кто оставался в живых, редко выпадала возможность собраться в одном месте. Описание одной из тех встреч, которые в действительности происходили, возможно, раз или два за тот отрезок времени, используется символически, чтобы показать противоречие

УДК821.161.1.09

КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ К. СИМОНОВА «С ТОБОЙ И БЕЗ МЕНЯ»

Таркан Наталья Евгеньевна
доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова»;
кандидат филологических наук
(г. Могилев, Беларусь)

Рассмотрена фронтовая поэзия К. Симонова в нетрадиционном ракурсе: поэт и его любовные переживания. Акцент сделан на анализе цикла стихов «С тобой и без тебя», что доказывает значимость темы любви в творчестве поэта. Выявлена концепция любви К. Симонова.

С особой силой в дни войны звучали в лирике К. Симонова темы любви и верности. Эти чувства позволили сохранить в себе подлинно человеческое в самых страшных и безысходных обстоятельствах. Любовь и верность оказались на войне сильнее тяжелейших испытаний и даже смерти – таков сквозной мотив самого известного стихотворения К. Симонова «Жди меня» (1941): «Жди меня, и я вернусь / Всем смертям назло. / Кто не ждал меня, тот пусть / Скажет: «Повезло. / Не понять не ждавшим им, / Как среди огня / Ожиданием своим / Ты спасла меня» [1, с. 154].

На встречах с читателями Симонов не отказывался читать «Жди меня», но как-то темнел лицом. И в глазах его было стра-

между любовью и воинским долгом. И, несмотря на то, что в стихотворении этот конфликт как бы происходит в душе Валентины, он является проекцией противоречий в сознании поэта. Кульминация стихотворения как никогда ярка и глубоко прочувствована: «Не отменяй с друзьями торжество./ Что из того, что я тебе всех ближе, / Что из того, что я любил, что из того, / Что глаз твоих я больше не увижу? / Мы собирались здесь, как равные, потом / Вдвоем – ты только мне была дана судьбою, / Но здесь, за этим дружеским столом, / Мы были все равны перед тобою. / Потом ты можешь помнить обо мне, / Потом ты можешь плакать, если надо, / И, встав к окну в холодной простыне, / Просить у одиночества пощады. / Но здесь не смей слезами и тоской / По мне по одному лишать последней чести / Всех тех, кто вместе уезжал со мной/ И кто со мною не вернулся вместе» [1, с. 173].

Чувства, спроецированные на Валентину, принадлежат самому поэту; трагическое ощущение потери имеет иной источник и, скорее всего, связано с её неверностью – возможно, Симонов знал о начавшемся романе Валентины с будущим маршалом Рокоссовским. Стихотворение показывает, что, несмотря на глубокие чувства, поэт сумел смириться со случившимся, принять его как часть судьбы, уготованной войной. Положительной составляющей стихотворения является не столько любовь Симонова к Валентине, сколько символический образ женщины, воплощенный ею, и чувство фронтового братства, присущее поэту и его друзьям. Даже после смерти они неким образом остаются едины: «Святая ярость наступления, / Боев жестокая страда / Завяжут наше поколение / В железный узел, навсегда...» [1, с. 153].

Незадолго до смерти К. Симонов попросил дочь Машу привезти в больницу архив В. Серовой. Он сжег все письма, которые писал ей, не желая, чтобы чужие глаза заглядывали в их непростые отношения, сказав дочери о том, что все происходившее между ним и матерью было для него самым большим счастьем в его жизни... и самым большим горем...: «Лицо твое усталое, / Несхожее с портретами, / С мороза губы талые, / От снега мной согретые, / И твой лениво брошенный/Взгляд, означавший искони: / Не я тобою прощенный, / Не я тобою исканный» [1, с. 143].

По мнению Н. Банка, любовная лирика Симонова не знает стыдливых умолчаний. Ей свойствен «прямой язык страстей». «Это честная и чистая прямота, максимализм любви сильной, земной, безоглядной, которая целиком заполняет душу» [3, с. 173].

Женщина для К. Симонова – символ вечной красоты. Лирический герой Симонова выражает желание, чтобы любимая женщина была с ним на войне повсюду, каждый миг, деля все опасности. Об этом стихотворение «Когда на выжженном плато...» (1942): «...Я хочу, чтоб каждый день, / Чтоб каждый час и каждый бой / За мной ходила ты как тень, / Чтоб ты со мной делила хлеб, / Делила горести до слез, / Чтоб слепла ты, когда я слеп, / Чтоб мерзла ты, когда я мерз, / Чтоб страхом был твоим – мой страх, / Чтоб гневом был твоим – мой гнев, / Мой голос на твоих губах / Чтоб был, едва с моих слетев» [1, с. 177]. Мысли о ней, ее постоянное незримое присутствие рядом побеждают даже смерть.

В стихотворениях сборника очень часто встречается слово зло: «В этом городе тебя вспоминал / Очень редко добрым словом, чаще злым» [1, с. 162]; «Где с такою злостью / Найти мне глаза, / Чтоб редкою гостьей / Была в них слеза?» [1, с. 148].

К героине своих текстов Симонов испытывает непростое чувство, в котором любовь, нежность, доброта соединены со злобой. Ему хочется верить, что его любят и ждут, но он не заблуждается насчет чувств женщины к нему, понимая, что она его не любит: «Меня до сих пор ты не любишь...», – с горечью написал он в стихотворении «Твой голос поймал я в Смоленске...» (1942). В стихотворении «Далекому другу» (1943) поэт пишет своей далекой возлюбленной, как сильно он ее любит, но об ответной любви прямо не просит. Он говорит о том, что она полюбила бы его, если бы узнала, смогла понять, какой силы чувство он испытывает к ней: «Когда бы знала ты, как я тебя люблю, / Ты б надо мной всю ночь, до пробужденья, / Стояла тут, в землянке, где я сплю, / Одну себя пуская в сновиденья» [1, с. 187].

В стихотворении «Дом в Вязьме», написанном в 1943-м году, поэт пишет о братстве, дружбе и единстве всех, кто делил ноч-

лег в старом доме в Вязьме. Дом становится символом морального единства: «В ту ночь, готовясь умирать, / Навек забыли мы, как лгать, / Как изменять, как быть скупым, / Как над добром дрожать своим. / Хлеб пополам, кров пополам – / Так жизнь в ту ночь открылась нам» [1, с. 138–139]. Преданности, любви и верности ждал Симонов и от женщин.

Список использованной литературы

1. Симонов, К. Стихотворения и поэмы / К. Симонов. – Л. : Советский писатель, 1990. – 464 с.
2. Банк, Н. Дневник общей судьбы / Н. Банк // Нева. – 1975. – № 1. – С. 175–180.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева, – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.